

В.С. Бойко

*Барнаульский государственный педагогический
университет*

**Среднеазиатская эмиграция на
заключительном этапе гражданской войны
в Афганистане (1930–1931 гг.)***

Жизнь и судьба нескольких сотен тысяч эмигрантов из советской Средней Азии в 1920-е гг. и в последующие десятилетия XX в. стали частью афганской внутренней истории и политики, а также международных отношений в центрально-азиатском регионе. Эта большая и сложная тема неоднократно становилась предметом исследования многих видных и начинающих ученых — представителей различных научных школ, но основное внимание в существующей историографии уделялось событиям и процессам, локализованным азиатскими окраинами бывшей Российской империи. Общим «кодом» большинства работ, прежде всего тех из них, которые были созданы в рамках советской исторической школы, была понятийная и сущностная характеристика многоликой среднеазиатской эмиграции как исключительно военно-политического и националистического (и в гораздо меньшей степени — социального) движения и феномена, за которым закрепилось название *басмачество*. Но реальности повседневной жизни эмиграции и ее тесная, хотя часто вынужденная вовлеченность во внутри-афганские дела, побуждают поставить вопрос о действительной природе этого, по существу, глубоко маргинального социального субстрата, и его роли в афганских событиях конца 1920-х — начала 1930-х гг.

---

* Данная работа подготовлена при частичной поддержке Британской академии — SG 32383

К концу 1920-х гг. среднеазиатская эмиграция концентрировалась по преимуществу в северных приграничных областях Афганистана, хотя некоторые ее группы и отдельные вожди находились в ряде других регионов приютившей их страны, в том числе в ее столице — Кабуле и его окрестностях. Близ Кабула обосновался, например, бывший эмир бухарский Сеид Алим-хан со своим многочисленным окружением и охраной. Он, а также другие, менее именитые эмигранты — военные, политические и духовные лидеры отдельных племен, кланов и групп — считались почетными гостями афганского правительства, совершившими хиджрат в страну, отличающуюся особой приверженностью к исламу. Что же представляла собой среднеазиатская эмиграция к концу гражданской войны в Афганистане и какие изменения произошли с ней на сравнительно коротком, но чрезвычайно насыщенном промежутке времени с конца 1920-х до начала 1930-х гг.?

Общая численность эмигрантов, проживавших только в районе Андохя, составляла примерно 10 тыс. хозяйств. Эта группа состояла в основном из туркмен, духовный предводитель которых Ишан Халифа Кызыл-Аякский владел 8 тысячами голов скота (в основном овец). Эмигранты Андохйского района получили в пользование значительные земельные угодья, которые сразу попали в руки родовых вождей и баев. Основная же масса туркменских эмигрантов была вынуждена зарабатывать на жизнь батрачеством и пастушеством у своих или местных владельцев земли и скота. Эмигранты-середняки обычно приобретали небольшое количество скота или занимались перевозками, обычно — перевозкой дров, которые они заготавливали на советской территории и переправляли в Афганистан на продажу, получая при этом неплохой доход (верблюжий вьюк дров стоил в советской приграничной полосе 2 руб. 50 коп., а по афганскую сторону границы — уже 10–12 руб.)¹. Более благоприятной для эмигрантов была и афганская налоговая система (в 1928 г. налоги для них были даже снижены вследствие значительного падежа скота и неурожая). Лишь в 1928 г. постановлением Туркменского ВЦИК были национализированы колодцы эмигрантов, которые они, проживая в Афганистане, сдавали в аренду местным скотоводам. Предводителям боевых формирований было запрещено выпасать скот на советской территории.

Ужесточение режима экономических (сезонных) трансграничных миграций туркменского населения азиатских окраин СССР, предпочитавшего в 1920-е гг. находиться большую часть времени в Афганистане, не изменило существующего положения: значительная его часть предпочитала оставаться в Афганском Туркестане. Так, из 11 370 семей Керкинского округа реэмигрировало лишь около 2 тысяч (в 1928 г. — всего 42 хозяйства), в основном бедняки и середняки. Такой выбор туркменской части эмиграции диктовался как экономическими, так и политическими причинами: многие баи были активными участниками борьбы против советской власти, а потому стремились обосноваться в Афганистане, где, помимо экономических, получали и некоторые социально-политические выгоды, — например, назначались на чиновничьи должности в местные администрации. Но, само по себе, это обстоятельство не превращало представителей эмигрантской верхушки, не говоря уже о рядовых беженцах, в добропорядочных граждан Афганистана. Они не торопились принять подданство этой страны, и причиной тому — реформы Аманулла-хана, особенно нововведения в бытовой сфере, воинская повинность, обязательное обучение детей и т.д. Эмигранты не решались на окончательный разрыв со страной происхождения/исхода еще и потому, что боялись лишиться экономических выгод жизни «на два дома», а многие надеялись на крах большевистского режима и реставрацию прежних форм государственности в советской Средней Азии (Бухарский эмират и др.)². Такая двойственность позиции вождей эмиграции и зависимых от них рядовых переселенцев не устраивала афганские власти — они неоднократно требовали перехода всей этой массы в афганское подданство или даже возвращения на родину.

Во всей этой ситуации подспудно присутствовал один важный момент — именно двойственность социально-правового положения эмигрантов (в частности, туркмен Андхойского района) обеспечивала возможность их существования: запаса кормов для выпаса скота в Афганистане хватало на 3–4 месяца, и остальное время или хотя бы часть его туркмены проводили на советской территории. Это императивное экономическое обстоятельство создавало объективное предпосылку для реэмиграции этой этнической группы, к чему настойчиво стремились власти советской Средней Азии, ужесточая в конце

1920-х гг. режим трансграничных миграций и общую политику в отношении переселенцев и сезонных мигрантов, среди которых были даже представители коренных афганских (пуштунских) племен³.

Установление власти Надир-хана в Кабуле и на большей части территории Афганистана в конце 1929 — начале 1930 гг. еще не означало прекращения в той или форме состояния гражданской войны. Особенно неблагоприятное положение сложилось в северных приграничных районах страны. Экономические и политические неурядицы, особенно события января — октября 1929 г., способствовали росту автономистских настроений среди узбеков, туркмен, таджиков и представителей некоторых других национальных меньшинств, населявших афганский север. В Мазарской провинции после ряда переворотов за и против Надир-хана власть перешла к коалиционному правительству, составленному из влиятельных фигур основных этнических групп. Линию нового режима должен был проводить оперативно присланный из Кабула новый губернатор Мир Мухаммад Хусейн-хан (до ноября 1929 г. эти обязанности исполнял назначенный Бачаи Сакао Абдул Каюм-хан).

Пытаясь решить проблемы этого ключевого, но отдаленного, трудноуправляемого даже в лучшие времена региона, «надират» сделал несколько примирительных шагов: было запрещено преследовать главного курбаши, Ибрагим-бека, эмигранты из Бухары и других областей отныне могли свободно выбирать место жительства и получать земельный надел, с освобождением от налогов на три года. В конце марта 1930 г. на север была направлена специальная правительственная комиссия под председательством Мухаммада Якуб-хана с отрядом регулярных войск (полк пехоты при двух орудиях и нескольких пулеметах)⁴. Ее основной целью было умиротворение северных областей с минимальным применением силы. И действительно, комиссия Якуб-хана практически избегала репрессий в отношении чиновников и активистов свергнутого режима Бачаи Сакао, — некоторые из них, например Мирза Касым-хан, были даже включены в ее состав. В то же время комиссия проводила совершенно иную, бескомпромиссную линию в отношении сторонников бывшего монарха Аманулла-хана: их увольняли, а особенно жестким преследованиям подвергались участники похода Гулам Наби-хана Чархи. Увольняя их, власти не скрывали своих мотивов: «Вы теперь то же, что и русские, вам верить нельзя»⁵.

Возникшая ситуация приобрела и этническую окраску — в рядах наказанных оказались преимущественно афганцы (пуштуны) и хазарейцы — именно они составляли ядро отряда Гулам Наби-хана — В. Примакова весной 1929 г. Конфигурация политического противостояния на севере отражала особенности момента: режим Надира в лице своей специальной комиссии рискнул временно опереться на местное коренное население во главе со среднеазиатской эмиграцией, а хазарейцев и пуштун-гильзаев (переселенцев времен эмира Абдуррахман-хана) — сторонников Амануллы — избрал мишенью смягченного собственной слабостью, но решительного удара.

По прибытии комиссии Якуб-хана на север было объявлено о созыве в Мазари-Шарифе всеобщей джирги народов, населяющих Афганский Туркестан, для урегулирования всех спорных вопросов. Однако нежелание местного населения разоружаться и другие неурядицы привели фактически к роспуску джирги, и решение всех насущных вопросов северных областей было передано дурбару — собранию представителей этнических групп в урезанном составе — по 4 человека от каждой национальности. Правительственная комиссия, используя методы торга и давления, навязала дурбару целый ряд решений, включавших, в частности: 1. сдачу государству всего казенного имущества и оружия; 2. прекращение межнациональных разногласий; 3. задержку и выдачу всех мятежников и бандитов; 4. уплату всех налоговых недоимок, начиная с 1919 г. (в рассрочку, но с 10 % надбавкой в виде процента); 5. согласие на хашт-нафари (квотируемый призыв на воинскую службу — 1 рекрут от 8 годных к ней); 6. отправку в гвардию эмира сыновей местных ханов (заложников-байбаче); 7. согласие на открытие светских школ; 8. обязательство всех племен и народов выступать против врагов Надира; 9. решительную борьбу со взяточничеством; 10. беспрекословное подчинение всем должностным лицам, назначаемым правительством, независимо от их национальности.

Основная ставка при принятии и дальнейшем осуществлении этой программы действий «надирата» на севере была сделана на туркменскую эмиграцию во главе с ее духовным лидером Ишаном Халифой. Лояльность туркмен и их предводителя удалось получить следующей ценой: сам Ишан Халифа официально признавался верховным руководителем туркмен и правителем пограничных районов Афганистана

от Сиягерта до Андхоя, ему подчинялись администрации и хакимы всех этих районов (хотя они назначались правительством), туркмены освобождались от байбаче, им поручалась охрана границы от Сиягерта до стыка Мейменинского и Гератского районов, с приемом на регулярную службу (содержать рядовой состав должно было местное население, а комсостав зачислялся на государственную военную службу с присвоением чинов и выдачей жалованья)⁶.

Но, как оказалось, сделка с туркменской частью эмиграции еще не решала всей проблемы умиротворения афганского севера. Признав внешне власть Надир-хана и даже пообещав комиссии М. Якуб-хана помощь в борьбе с самым влиятельным курбаши Ибрагим-беком, туркмены во главе с Ишаном Халифой продолжали поддерживать связь с последним и даже оказывать ему поддержку — деньгами, оружием. Даже налог «закят» они сдавали людям Ибрагима, а не надировским чиновникам.

К весне 1930 г. антинадировские настроения на севере вылились в подготовку всеобщего восстания Афганского Туркестана под лозунгами автономии и самоуправления. Во главе этого движения силою обстоятельств оказалась бухарская (и в меньшей степени — туркменская) эмиграция, как наиболее организованная и в то же время маргинализованный социальный прослойка населения афганского севера. Помимо массы вооруженных и умеющих воевать людей, эмиграция располагала и группой авторитетных лидеров (Ибрагим-бек и др.), она также имела широко разветвленную сеть своих сторонников как в самом Афганистане, так и за его пределами. «На Севере, за исключением Гератской провинции, царит хаос, в котором афганцы сами не в состоянии разобраться. ... В Северных провинциях за период гражданской войны, приведшей к дезорганизации государственной власти, разбужены национальные силы, с которыми афганцы, занятые урегулированием племенных дел, не в состоянии справиться. Едва ли на Севере имеет место вполне оформленное движение национальных меньшинств. Более вероятно это то, что это возросший национальный афтономизм, искусно используемой бухарской эмиграции, которая как в период Баче-Сакау, так и сейчас является организующей силой против всяких попыток центральной власти подчинить себе узбекотуркмено-таджикский север» — заключал по поводу новой надвигающейся волны нестабильности на афганском севере руководитель средневосточного направления в Наркоминотделе А. Цукерман⁷.

Весной 1930 г. власти предприняли попытку найти общий язык с Ибрагим-беком. Глава комиссии по умиротворению афганского севера Якуб-хан (М. Губар пишет, что он был также назначен губернатором Балха) с помощью Мирза Касым-хана и Ишана Халифа договорился с Ибрагим-беком о встрече в Мазари-Шерифе. Накануне новруза Ибрагим-бек, сопровождаемый 700 всадниками, появился в Балхе, где его встречала целая группа генералов, что свидетельствовало о высоком статусе главного гостя. Далее он вместе с 50 охранниками и остальным своим воинством проследовал в Мазари-Шериф. Однако появление большого числа вооруженных туркмен вокруг сада, где остановились люди Ибрагима и он сам, другие эксцессы побудили его отказаться от встречи с М. Якуб-ханом. В течение нескольких последующих месяцев большая область от Майманы до Мазари-Шерифа и Каттагана находилась под его влиянием.

В декабре 1930 г. на север был направлен большой отряд во главе с военным министром Шах Махмудом. Он состоял из регулярных частей и ополченцев из пуштунских племен провинции Пактия (вардак, масуд, джадран и др.) и имел своей целью действительное умиротворение северо-востока и/или ликвидацию всех оппозиционных формирований, и прежде всего — отрядов Ибрагим-бека.

Парадоксальную позицию в ряде эпизодов борьбы афганского правительства Надир-шаха против повстанческих отрядов среднеазиатской эмиграции в 1930 г. занимало советское руководство. С одной стороны, оно постоянно настаивало на активизации этой борьбы и даже обвиняло афганские власти в бездействии. С другой стороны, оно само не торопилось расправиться с остатками тех сил, которые именовались официальной пропагандой басмачеством, причем делало это по конъюнктурным соображениям, стремясь оказать давление на Надир-шаха и одновременно производя сложные политические калькуляции относительно некоего позитивного потенциала движения Ибрагим-бека. Характерное признание, не оставляющее сомнений в противоречивости советской политики относительно «басмачества» в Афганистане образца 1930 г., содержится в одном из документов советской дипломатической переписки того времени: «Наиболее опасной я считаю нашу тактику в деле Ибрагима, «не антагонизирование» которого в неизвестных мне целях считается у нас аксиомой — очевидно, имеется

в виду невозможность борьбы с Ибрагимом и в учете крестьянского состава его отрядов. Мне кажется, здесь допускается громадная ошибка, сводящаяся к установлению ничем не обоснованной идентичности Ибрагима и аграрно-национального движения севера, находящегося еще в начальной стадии, несмотря на глубочайший стимул полученный им, в результате падения Амануллы, прихода к власти Баче-Сакао и установления режима Надира, усилившего патанский нажим на национальные меньшинства севера. Нельзя отрицать наличие аграрно-национального антагонизма, питающего оппозицию Кабулу севера, но было бы безусловной ошибкой принимать потенциальное движение за движение ставшее уже фактом и якобы оформляемое Ибрагим бекон, Ишан-Халифой, сыном Джунаида и т.д. Последние являются носителями реставрационных идей антисоветского басмачества, получившего с ослаблением афганской государственной власти, на севере Афганистана территорию для подготовки нападения на Среднюю Азию. Несомненно, что к этому движению примыкают некоторые элементы национальных меньшинств севера, но это далеко не значит, что мы имеем или будем иметь движение на севере как аграрно-национальное и возглавляемое вождями басмачества. Поэтому в отношении Ибрагима должна быть взята твердая линия на его уничтожение, иначе весной мы будем иметь в его лице угрозу для нашей Средней Азии, не говоря уже о том, что двусмысленная линия в отношении Ибрагима компрометирует нас в глазах Кабула» — так пространно выразил свои сомнения и предложения по поднимаемому вопросу один из ключевых дипломатов-«восточников» НКВД, А. Цукерман⁸.

Как показали события, войска Шах Махмуда не были готовы к борьбе против Ибрагим-бека: они имели мало боеприпасов, не могли приспособиться к тактике противника — быстрым внезапным нападениям в стиле партизанской войны. Мало результативными были и попытки мобилизовать на борьбу местное население: вместо 5–6 тыс. удалось собрать около 600 человек. Ишан Халифа для отвода глаз направил 150 туркмен под командованием Клыч Сардара, набранных из бедноты, в основном лиц преклонного возраста, вооруженных однозарядными винтовками. Тем не менее, правительственные формирования к весне 1931 г. стали брать верх: Ибрагим-бек в боях терял своих сторонников, ослабевала и поддер-

жка ему со стороны уставшего от войны населения афганского севера, даже соплеменников-узбеков. 7 марта 1931 г. в результате внезапного, по существу предательского удара туркменской конницы, подкупленной афганским правительством, его формирования потерпели сокрушительное поражение, а сам он был вынужден перейти афгано-советскую границу и в конечном счете сдаться властям. Летом 1932 г. Ибрагим-бек — самый опасный военный противник большевиков в Центральной Азии, — был казнен.

Как полагал М. Губар, противостояние между силами Ибрагим-бека и группировкой Шах Махмуда обострило этнические противоречия между севером и югом Афганистана. Арестованные женщины подвергались насилию, случались и другие эксцессы. По приказу военного министра тысяча туркменских семей с детьми, женщинами и стариками должна была в кратчайшие сроки без отдыха пешим ходом достичь Кабула. В дальнейшем эти люди использовались в качестве бесплатной рабочей силы в поместьях самого Шах Махмуда и других землевладельцев Кабульской области. Участники же «северного похода» — солдаты регулярных частей и ополченцы — были вознаграждены материально (дополнительные выплаты в размере месячного жалованья), а также морально — правительство учредило для них особую медаль «За разгром мятежников Каттагана»⁹.

В начале 1932 г. губернатором северных провинций был назначен М. Гуль-хан, преуспевший до этого в наведении порядка в Нангархаре, Парване, Кандагаре и Каписе самыми жесткими методами, в том числе этнической дискриминацией, посеяв здесь дополнительные семена конфликта, тлевшего десятилетиями и вспыхнувшего в 1980-е — 1990-е гг. крупномасштабным военно-политическим противостоянием общенационального масштаба.

Примечания

¹ Российский центр хранения и использования документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 1803. Л. 6. Туркменские эмигранты так же поступали и с каракулем: они вывозили его в Афга-

нистан, где продавали вдвое дороже. Более того, даже та часть каракуля, которая сдавалась ими Госторгу, контрабандно перекочевывала потом в Афганистан.

- ² Любопытно, что в беседе с советскими пограничниками в 1929 г. (!) один из баев заявил, что он считает себя подданным Николая II, а другой — эмира бухарского. Там же. Л. 18.
- ³ Например, в Южных Каракумах выпасали более 300 тыс. голов курдючных овец племени дуррани и гильзаев.
- ⁴ М. Якуб-хан, бывший министр двора эмира Амануллы, при Надире был назначен губернатором Кабула. РЦХИДНИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2208. Л. 134.
- ⁵ Там же. Л. 123. Известный специалист по Афганистану Л. Адамек (США) сообщает, однако, любопытный факт, лишний раз свидетельствующий о политическом оппортунизме сторон гражданской войны 1920-х — начала 1930-х гг. По его данным, один из участников Мазарской операции, Ата Мухаммад, не только не был наказан, но даже включен в комиссию М. Якуб-хана. Adamec, Ludwig W. *Who's Who of Afghanistan*. Graz, 1975. P. 124–125.
- ⁶ РЦХИДНИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2208. Л. 141–142.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. Референтура по Афганистану. Оп. 126. Пор. 1. Папка 157. Л. 27.
- ⁸ АВП РФ. Ф. Референтура по Афганистану. Оп. 126. Пор. 1. Папка 157. Л. 55–56.
- ⁹ Ghobar, Mir Gholam Mohammad. *Afghanistan in the Course of History*. Vol. Two. P. 64.